

DOI 10.35775/PSI.2025.125.1.034

УДК 32.327

Е. ИЗТЕЛЕУОВА

соискатель PhD, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: elena4bob@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА УЗБЕКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Статья посвящена анализу изменений внешнеполитического поведения Узбекистана в контексте углубляющихся трансформаций регионального порядка в Центральной Азии. Современные региональные процессы характеризуются ростом взаимозависимости, усложнением форматов межгосударственного взаимодействия и усилением роли отдельных государств в формировании правил и практик регионального диалога. В этих условиях внешняя политика Узбекистана приобретает системное значение для динамики региональных отношений.

Целью исследования является выявление логики, направлений и особенностей эволюции внешнеполитического курса Узбекистана, а также определение его влияния на формирование новой региональной конфигурации. В рамках работы решаются задачи по анализу исходных ограничений внешней политики, выявлению ключевых изменений в инструментарии и приоритетах, а также оценке роли Узбекистана в институционализации регионального взаимодействия.

Методологическую основу исследования составляют качественные методы анализа, включая контент-анализ стратегических и программных документов, ивент-анализ ключевых внешнеполитических инициатив и сравнительный анализ внешнеполитических практик до и после 2016 года. Такой подход позволяет проследить как элементы преемственности, так и качественные сдвиги во внешнеполитической стратегии.

Результаты исследования показывают, что внешняя политика Узбекистана трансформировалась от преимущественно реактивной модели, ориентированной на минимизацию внешних рисков, к более проактивной и инициативной стратегии, направленной на формирование благоприятной региональной среды. При этом сохраняются базовые стратегические принципы, что свидетельствует о сочетании преемственности и адаптации.

В выводах обосновывается, что активизация внешней политики Узбекистана стала одним из факторов повышения предсказуемости и устойчивости региональных отношений, а дальнейшая эволюция курса будет зависеть от глубины институционализации регионального сотрудничества и устойчивости внутренних реформ.

Ключевые слова: *внешняя политика, региональный порядок, Центральная Азия, Узбекистан, региональное взаимодействие, институционализация.*

Введение. Трансформация регионального порядка в Центральной Азии в XXI веке представляет собой сложный и многомерный процесс, обусловленный как внутренними изменениями в государствах региона, так и воздействием внешних геополитических, экономических и институциональных факторов. Центральная Азия постепенно переходит от модели фрагментированного взаимодействия, основанной на доминировании двусторонних отношений и ситуативных договоренностей, к более структурированной системе регионального диалога, в которой возрастают значение институциональных механизмов, экономической взаимосвязанности и многоуровневой дипломатии. В этих условиях особую роль играет Узбекистан. Это государство с наибольшим демографическим потенциалом региона, центральным географическим положением и значительным экономическим и транзитным ресурсом.

На протяжении длительного времени внешнеполитический курс Узбекистана формировался в логике приоритета суверенитета и безопасности, что обуславливало сдержанное участие в региональных инициативах и осторожное отношение к многосторонним форматам сотрудничества. Однако политические и институциональные изменения, начавшиеся после 2016 года, привели к заметной активизации внешней политики и пересмотру ряда практик регионального взаимодействия. В научных исследованиях этот период все чаще характеризуется как этап качественной трансформации внешнеполитического поведения Узбекистана, связанный с переходом от преимущественно реактивной модели к более проактивному и инициативному курсу [15. С. 4].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа данной трансформации не только как внутреннего изменения внешнеполитической стратегии одного государства, но и как фактора перестройки регионального порядка в Центральной Азии. Внешняя политика Узбекистана в пост-2016 периоде оказывает системное влияние на динамику региональных процессов, включая восстановление доверия между государствами региона, активизацию экономических и транспортно-логистических связей, а также формирование новых практик политического диалога. Это позволяет рассматривать Узбекистан не просто как участника регионального взаимодействия, но и как одного из драйверов его институционального развития.

Несмотря на растущий интерес к региону и имеющийся массив аналитических публикаций, посвященных современной внешней политике Узбекистана, в научной литературе сохраняется дефицит исследований, которые рассматривали бы ее эволюцию в тесной увязке с трансформацией регионального порядка как целостной системы. Зачастую акцент делается либо на отдельных направлениях внешней политики, либо на описании конкретных инициатив, без достаточного внимания к их системному эффекту для региональной архитектуры. В этой связи возникает необходимость теоретически и эмпирически осмыслить,

каким образом изменения во внешнеполитическом курсе Узбекистана соотносятся с более широкими процессами институционализации регионального взаимодействия.

Следует подчеркнуть, что в работах узбекских, китайских, российских и других зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12].

Однако проблему эволюции внешнеполитического курса Узбекистана в условиях трансформации регионального порядка Центральной Азии нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Целью настоящей статьи является выявление логики и основных направлений эволюции внешнеполитического курса Узбекистана в условиях трансформации регионального порядка Центральной Азии. Для достижения поставленной цели в статье решаются задачи, связанные с анализом теоретических подходов к региональному порядку, рассмотрением внешнеполитической модели Узбекистана до 2016 года, выявлением ключевых изменений пост-2016 периода и определением роли Узбекистана в формировании новой региональной конфигурации.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении внешнеполитической трансформации Узбекистана через призму взаимного влияния внутренних реформ, региональной дипломатии и процессов перестройки регионального порядка. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при анализе внешнеполитических стратегий государств Центральной Азии, подготовке экспертных оценок и прогнозов регионального развития, а также в образовательных и исследовательских целях.

1. Теоретико-методологические основы анализа внешнеполитической эволюции. В политологическом дискурсе региональный порядок понимается как совокупность устойчивых правил, институтов и практик взаимодействия акторов в рамках региона, включающая баланс интересов, режимы безопасности, экономические связи и нормативные ожидания. Трансформация регионального порядка может происходить в результате: (а) смены стратегий ключевых региональных игроков; (б) изменения роли внешних акторов; (в) институционализации новых форматов диалога; (г) перераспределения выгод от экономической взаимосвязанности.

Для Центральной Азии характерна «многослойность» порядка: одновременно действуют двусторонние механизмы, региональные инициативы (включая консультационные форматы), а также платформы взаимодействия с внешними центрами силы. В этой связи «изменение поведения» одного системообразующего государства способно запускать каскадные эффекты на уровне всего региона. Именно поэтому внешнеполитическая активизация Узбекистана после 2016 г. стала одним из факторов, переопределивших ожидания относительно возможностей регионального сотрудничества [14. С. 35].

Подходы к анализу внешней политики государств среднего уровня акцентируют необходимость учитывать: ограниченность ресурсов по сравнению с великими державами; стремление к диверсификации внешних связей; использование «нишеобразующих» стратегий (инициативность в отдельных направлениях); а также зависимость внешнеполитических решений от внутренней легитимации. Для авторитарных режимов дополнительное значение имеют факторы элитного консенсуса, управляемости реформ и связи внешней политики с экономической модернизацией.

Применительно к Узбекистану важной аналитической рамкой является тезис о том, что внешнеполитическая «открытость» пост-2016 периода функционально сопряжена с задачами социально-экономического развития и привлечения инвестиций, а региональная «добрососедская» политика рассматривается как инструмент снижения транзакционных издержек и расширения рынков [15. С. 6].

Исследование опирается на качественный дизайн и включает:

- контент-анализ стратегических документов (в частности, рамочных программ развития и внешнеполитических ориентиров) [7; 5];
- ивент-анализ ключевых дипломатических шагов и институциональных новаций пост-2016 периода (нормализация отношений с соседями, активизация региональных контактов, расширение экономической дипломатии);
- сравнительный анализ (до 2016 г. и после 2016 г.) для выявления элементов преемственности и изменений в стратегических установках и инструментарии.

Важным методологическим принципом выступает различие стратегии (долгосрочные цели и «красные линии») и тактики (интенсивность, стиль и набор инструментов), поскольку часть изменений может отражать не смену базовой доктрины, а модернизацию механизмов реализации внешней политики [16. С. 63].

2. Внешнеполитический курс Узбекистана до 2016 года: исходные условия и ограничения. Внешняя политика Узбекистана в 1990-2016 гг. формировалась в логике суверенитетного подхода, с повышенной чувствительностью к вопросам внешнего военного присутствия и военно-политических обязательств. В ряде исследований подчеркивается, что доктринальные установки включали: отказ от участия в военно-политических блоках, приоритет национальных интересов, осторожность в вопросах внешних баз и миротворческих операций [17. С. 1].

Отмечая развитие доктрин, Ф. Толипов фиксирует принципиальные положения внешнеполитических концепций и их «ограничительный» характер, который был связан с восприятием региона как зоны пересечения интересов внешних держав и рисков вовлечения [17. С. 2]. В результате многовекторность сочеталась с повышенной избирательностью участия в многосторонних инициативах и акцентом на двусторонние сделки как более управляемый формат [17. С. 1].

Хотя в 1990-е годы присутствовали элементы региональной инициативности, со временем региональная политика стала более сдержанной. Это выразилось в «замораживании» части контактов, усложнении пограничной повестки и росте взаимных претензий с отдельными соседями. На уровне практики это привело к тому, что региональный порядок оставался фрагментированным: доминировали двусторонние отношения, а региональные механизмы слабо институционализировались.

К ключевым ограничениям периода до 2016 г. можно отнести:

- доминирование вопросов безопасности над экономической интеграцией;
- дефицит доверия в межгосударственных отношениях, усложнение пограничных и водно-энергетических вопросов;
- зависимость внешней политики от задач внутренней стабильности и контроля рисков.

В более широком смысле внешнеполитическая осторожность опиралась на представление о высокой цене внешних обязательств и необходимости минимизировать вероятность «перетягивания» Узбекистана в конкурирующие проекты внешних акторов.

Пост-2016 период характеризуется повышением роли внешней политики как инструмента развития. В стратегических документах развития закрепляется курс на усиление внешнеэкономических связей, улучшение инвестиционного климата и расширение международного сотрудничества [16. С. 19]. Важным контекстом выступает закрепление реформаторской повестки, предполагающей необходимость благоприятной внешней среды.

Наряду с этим сохраняются элементы стратегической преемственности: исследования подчеркивают, что Узбекистан продолжает придерживаться принципов военной нейтральности, отказа от иностранных военных баз и осторожности в военно-политических обязательствах, однако меняются стиль, интенсивность и «коммуникативная» составляющая дипломатии [16].

В научной литературе и аналитических докладах устойчиво фиксируется тезис о приоритете Центральной Азии как базового направления внешней политики Узбекистана. По оценке Р. Вейца, новая администрация акцентировала необходимость повышения регионального влияния и утверждения региона как главного внешнеполитического приоритета [18. С. 13].

Содержательно это выражается в переходе к «добрососедской» рамке, включающей регулярные контакты лидеров, упрощение приграничного режима, продвижение региональной торговли и транспортной взаимосвязанности [15. С. 4]. Данная рамка важна не только как политическая декларация, но и как механизм изменения региональных ожиданий: соседние государства начинают рассматривать Узбекистан не как источник неопределенности, а как потенциального партнера по институционализации сотрудничества [14. С. 36].

Одним из наиболее значимых изменений стала активизация двусторонней дипломатии в Центральной Азии. Исследования показывают, что ключевой

результат пост-2016 политики заключается в росте готовности к компромиссам и формировании доверия как базовой предпосылки региональной стабильности [14. С. 35].

Б. Токтогулов, сравнив периоды до и после транзита власти, отмечает, что произошли изменения в тактике: расширился масштаб и интенсивность взаимодействия с соседями и внешними партнерами, повысилась прозрачность и системность внешнеполитических действий [16. С. 63].

Изменения регионального порядка в Центральной Азии также выражаются в расширении многосторонних форм взаимодействия и возрастании роли устойчивых региональных коммуникаций. Характерной особенностью данных процессов является их поэтапный характер: институциональные форматы формируются постепенно, начиная с политических консультаций и в дальнейшем переходя к практическим направлениям кооперации – в сферах транспорта, торговли, а также водно-энергетической повестки.

Активизация внешней политики Узбекистана выступает одним из ключевых факторов стабилизации региональных процессов. Политика добрососедства приобретает характеристики регионального общественного блага, поскольку снижение барьеров и нормализация двусторонних отношений создают более благоприятные условия для развития экономической взаимосвязанности всех государств региона [15. С. 5].

Узбекистан последовательно позиционирует Центральную Азию как пространство совместного поиска решений. В ряде исследований подчеркивается, что готовность к компромиссам и ориентация на взаимоприемлемые решения «по большинству вопросов» стали ключевым индикатором обновленного внешнеполитического курса страны [14. С. 35].

Подобный подход способствует снижению конфликтного потенциала и повышает предсказуемость поведения государств региона.

Многовекторность продолжает оставаться базовой характеристикой внешней политики Узбекистана. Вместе с тем в пост-2016 периоде ее содержание дополняется усилением внешнеэкономической дипломатии и стремлением использовать конкуренцию внешних акторов в прагматических интересах без конкретной ориентации и зависимости от одного глобального актора.

Тем не менее, процессы внутренней модернизации объективно требуют расширения рынков сбыта, привлечения инвестиций и развития технологических связей. В стратегических документах развития закреплены приоритеты наращивания экспортного потенциала, диверсификации внешнеэкономических связей и формирования более конкурентоспособной экономики [16. Р. 49-67]. Это формирует устойчивую основу для поддержания сбалансированных отношений с ключевыми внешними партнерами.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что развитие внешнеполитического курса Узбекистана в условиях трансформации регионального порядка в Центральной Азии носит поступательный и институционально

выверенный характер. До 2016 года внешняя политика страны строилась прежде всего на стремлении минимизировать внешние риски, отстаивать суверенитет и с осторожностью относиться к многосторонним обязательствам. Такая модель позволяла сохранять стратегическую самостоятельность, но одновременно сдерживала развитие регионального сотрудничества и способствовала фрагментации регионального взаимодействия [17. С. 1].

После прихода к власти Ш. Мирзиёева в 2016 года внешнеполитическая стратегия Узбекистана заметно усложнилась. При сохранении базовых принципов, включая отказ от участия в военно-политических блоках и ориентацию на многовекторность, изменились инструменты и практики внешней политики. Страна активизировала региональную дипломатию, Центральная Азия была провозглашена ключевым внешнеполитическим приоритетом и последовательно инициировала восстановление доверия между государствами региона [15. С. 4]. Эти изменения свидетельствуют не о разрыве с прежним курсом, а о его адаптации к новым внутренним и внешним условиям.

С точки зрения трансформации регионального порядка, усиление внешнеполитической активности Узбекистана способствовало снижению конфликтности и росту предсказуемости межгосударственных отношений. Регион постепенно переходит от двусторонних контактов к более регулярным многовекторным форматам диалога. Это создает основу для расширения экономического сотрудничества и выработки совместных подходов к общим вызовам. В этих процессах Узбекистан выступает одним из ключевых акторов, участвующих в формировании более устойчивых правил регионального взаимодействия.

Вместе с тем сохраняются факторы, ограничивающие дальнейшую трансформацию как внешнеполитического курса Узбекистана, так и регионального порядка в целом. К ним можно отнести риски в сфере безопасности, институциональная незрелость отдельных региональных механизмов, различия в экономических моделях стран Центральной Азии, а также влияние внешних акторов, заинтересованных в сохранении конкурентной логики взаимодействия в регионе. Эти обстоятельства сдерживают темпы и глубину институционализации регионального сотрудничества и требуют от Узбекистана сочетания внешнеполитической инициативности с стратегической осторожностью.

Перспективы дальнейшей эволюции внешнеполитического курса Узбекистана во многом зависят от устойчивости внутренних реформ, способности государств региона находить совместные решения по ключевым вопросам и эффективности существующих механизмов регионального диалога. При сохранении текущего формата развития внешняя политика Узбекистана может рассматриваться как пример адаптивной стратегии государства среднего уровня, ориентированной на сочетание стратегической автономии и активного участия в формировании регионального порядка.

В целом эволюция внешнеполитического курса Узбекистана в посткаримовский период представляет собой значимый эмпирический материал для анализа процессов трансформации регионального порядка в Центральной Азии.

Сделанные выводы позволяют не только углубить понимание внешнеполитической динамики региона, но и расширить теоретические представления о роли государств среднего уровня в формировании устойчивых региональных систем международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аббасов Г.Э.** Современная многосторонность в условиях фрагментации мирового порядка: универсальный и региональный уровни // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
2. **Афиногенов Д.А., Стародуб И.В.** Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно-теоретическое осмысление проблемы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
3. **Головецкий Н.Я., Козик И.В.** Политические процессы и управление природными ресурсами в Центральной Азии: Вызовы устойчивому развитию // Вопросы политологии. 2025. № 10.
4. **Исломова Н.А.** Будущее евразийской интеграции – роль России и Шанхайской организации сотрудничества // Вопросы политологии. 2025. № 8.
5. Люй Чжэньжун. Перспектива сопряжения центрально-азиатской интеграции и развития ШОС // Вопросы политологии. 2025. № 6.
6. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Постсоветские государства Центральной Азии: формирование современной модели сотрудничества с Россией // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 6.
7. О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан: Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февр. 2017 г. № УП-4947 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан // <https://lex.uz/docs/3107042>.
8. **Сулейманов А.Р.** Евразийство как одно из идейных оснований Большого евразийского партнерства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 8.
9. Чой Чже Док. Некоторые подходы к определению современного миропорядка // Вопросы политологии. 2025. № 5.
10. **Шарипов Р.Б.** БРИКС и Глобальный ЮГ: стратегические перспективы нового миропорядка // Вопросы политологии. 2025. № 8.
11. **Щербаков И.М.** К вопросу об особенностях применения цивилизационного подхода к исследованию внешней политики современных государств: обзор отечественных и зарубежных исследований // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 11.
12. Ярар Мурат. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие Центральной Азии с использованием концепции неравномерного и комбинированного развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.

13. Development Strategy of New Uzbekistan for 2022-2026 / Development Strategy Center. Tashkent, 2022 // <https://lex.uz/docs/7186952>.
14. **Madaminova F.** Foreign Policy Change under Authoritarian Leaders: Analysis of Uzbekistan's Foreign Policy in the Post-Cold War Era // Politologija. 2023. No. 1.
15. **Silvan K.** Uzbekistan's New Central Asia Policy: The Economic Rationale and Political Implications of Good Neighbourliness: Working Paper. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2020. No. 120.
16. **Toktogulov B.** Uzbekistan's Foreign Policy under Mirziyoyev: Change or Continuity? // Eurasian Research Journal. 2022. Vol. 4. No. 1.
17. **Tolipov F.** Flexibility or Strategic Confusion? Foreign Policy of Uzbekistan // Uzbekistan Initiative Papers. 2014. No. 2.
18. **Weitz R.** Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership. Washington; Stockholm: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2018.

YE. IZTELEUOVA

Independent PhD Candidate, Uzbekistan
State World Languages University,
Tashkent, Uzbekistan

EVOLUTION OF UZBEKISTAN'S FOREIGN POLICY COURSE IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE REGIONAL ORDER

The article examines changes in Uzbekistan's foreign policy behavior in the context of ongoing transformations of the regional order in Central Asia. Contemporary regional processes are characterized by growing interdependence, increasing complexity of interstate interaction formats, and the rising role of individual states in shaping the rules and practices of regional dialogue. In this environment, Uzbekistan's foreign policy has acquired systemic significance for regional dynamics.

The purpose of the study is to identify the logic, directions, and specific features of the evolution of Uzbekistan's foreign policy course, as well as to assess its impact on the formation of a new regional configuration. The objectives include analyzing the initial constraints of foreign policy, identifying key changes in priorities and policy instruments, and evaluating Uzbekistan's role in the institutionalization of regional interaction.

The methodological framework is based on qualitative research methods, including content analysis of strategic and programmatic documents, event analysis of key foreign policy initiatives, and comparative analysis of foreign policy practices before and after 2016. This approach makes it possible to trace both elements of continuity and qualitative shifts in foreign policy strategy.

The findings demonstrate that Uzbekistan's foreign policy has evolved from a predominantly reactive model focused on minimizing external risks toward a more proactive and initiative-driven strategy aimed at shaping a favorable regional environment. At the same time, core strategic principles have been preserved, indicating a combination of continuity and adaptive change.

The conclusions substantiate that the intensification of Uzbekistan's foreign policy has become one of the factors enhancing predictability and stability in regional relations. Further evolution of the course will depend on the depth of institutionalization of regional cooperation and the sustainability of domestic reforms.

Key words: *foreign policy, regional order, Central Asia, Uzbekistan, regional cooperation, institutionalization.*